

М. Г. Воробьёва

Тверской государственный университет, 3 курс

Научный руководитель: к.ф.н. Е.А. Пигаркина

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АЛЛЮЗИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ П. ВУДХАУЗА

Автор каждого художественного произведения создаёт уникальный мир посредством текста, который наполнен уже существующими и переосмысленными культурными кодами. Включая в текст интертекстуальные элементы, автор наполняет его дополнительным смыслом и выстраивает связи с другими произведениями.

Аллюзия является одной из форм реализации интертекстуальности (включение в текст целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде цитат, реминисценций и аллюзий).

Термин «аллюзия» используется с XVI века и происходит от латинского слова «alludere», которое переводится как «намёк». Тем не менее, аллюзия начинает изучаться как стилистический приём лишь в конце XX века.

Филолог М.Л. Гаспаров подробно изучал аллюзию в своих трудах. Согласно М.Л. Гаспарову, аллюзия – это намёк на литературный текст, или реально существующего человека, или историческое событие, которое не называется прямо. Если аллюзия отсылает к литературному произведению, тогда это одна из форм интертекста, наряду с цитатой, подражанием и реминисценцией. Как отсылка к реальному явлению аллюзия часто встречается в баснях, комедиях, некоторых формах лирики и эпоса. Чаще всего на наличие аллюзии указывают посторонние свидетельства современников [Гаспаров URL].

По И.Р. Гальперину, аллюзия – это косвенное указание на какой-либо исторический, географический, литературный, мифологический или библейский факт [Гальперин 1971: 136–137]. Наличие в тексте аллюзии предполагает, что читатель ознакомлен с этим фактом и обладает такими же знаниями и опытом, как и автор текста, поэтому аллюзивный источник обычно не дается.

Из приведённых выше определений можно сделать вывод, что аллюзия это обязательно косвенный намёк или указание. Тем не менее, согласно определению А.Ю. Москвина, аллюзия – это стилистическая фигура, содержащая явное указание, аналогию или отчётливый намёк на какой-либо литературный, исторический, мифологический или политический факт, закреплённый в текстовой культуре или в разговорной речи [Москвин 2013: 43].

Исследователи расходятся во мнениях и в других аспектах. Например, согласно А.С. Есееву, аллюзия обязательно должна быть преднамеренной, произвольной и осознанной и должна включать в себя намерение автора [Евсеев 1990: 18]. Л.О. Машкова, напротив, считает, что автор художественного текста может не осознавать «факта чьего-либо непосредственного влияния на свое

творчество» и принципиального различия между аллюзией произвольной и непроизвольной нет [Машкова 1989: 24].

Из приведённых ранее определений можно сделать вывод, что аллюзия – это отсылка к другому произведению или намёк на него. Мнения исследователей насчёт того, является ли данная отсылка косвенной или явной, преднамеренной или непроизвольной, расходятся, однако большинство лингвистов считают, что аллюзия полифункциональна.

Функции аллюзии подразделяются на две группы: узуальные и окказиональные функции. Среди узуальных функций аллюзии А.Г. Мамаева выделяет оценочно-характеризующую функцию и функцию создания подтекста. К окказиональным функциям относится орнаментальная функция и функция создания исторической достоверности [Мамаева 1977: 16].

Предсказательная и структурирующая функция также входят в группу узуальных функций. Textoобразующую функцию характеризуют несколько стилистических факторов:

1. Большой информативный потенциал, повышающий степень открытости текста;
2. Возможность аллюзии номинировать ситуацию или быть основой всего произведения.

Техтообразующая функция даёт возможность осуществлять внутритекстовую связь.

Помимо ранее перечисленных функций, исследователи выделяют юмористическую и тематическую функцию аллюзии.

Таким образом, можно заключить, что аллюзия действительно полифункциональна.

Многие исследователи занимались не только выявлением функций аллюзии, но и составлением классификации этого явления. Одна из систем классифицирует аллюзию по типу атрибутивности, структуре и источнику.

По типу атрибуции аллюзии подразделяются на эксплицитные и имплицитные аллюзии.

По структуре выделяются аллюзии-слова, чаще всего имена собственные, аллюзии-сверхфразовые единства, аллюзии-абзацы, аллюзии-строфы, аллюзии-прозаические строфы, аллюзии-главы, аллюзии-художественные произведения. Согласно этой классификации, аллюзия может быть не только отдельным словосочетанием или предложением. Всё художественное произведение может являться аллюзией на другой текст.

По источнику аллюзии можно выделить текстовые и нетекстовые аллюзии. Текстовыми аллюзиями являются аллюзии, отсылающие к литературным произведениям, библейским текстам и мифам. Нетекстовые аллюзии включают в себя бытовые и исторические аллюзии.

Один из ранних романов П. Вудхауза “Right Ho, Jeeves”, написанный в 1934 году, содержит множество аллюзий, выполняющих различные функции.

Многие из них отсылают читателя на другие художественные произведения эксплицитно и имплицитно.

Проанализируем отрывок из главы 5:

“I mean, you didn’t find Sherlock Holmes refusing to see clients just because he had been out late the night before at Doctor Watson’s birthday party”.

Аллюзия с атрибуцией явно отсылает читателя на произведение Артура Конан Дойля «Приключения Шерлока Холмса». При этом, сюжет произведения не затрагивается, автор упоминает только имена персонажей, сравнивая их с героями романа.

Это не единственная аллюзия на произведение Артура Конан Дойля в тексте романа. Упоминание имени Шерлока Холмса встречается также в главе 21, на этот раз в речи Дживса:

“Yes, sir. Possibly you may recollect that it was an axiom of the late Sir Arthur Conan Doyle’s fictional detective, Sherlock Holmes, that the instinct of everyone, upon an alarm of fire, is to save the object dearest to them”.

Герой пытается вразумить Вустера, используя в качестве аргумента персонажа Артура Конан Дойля, потому что сам Бертрам Вустер ранее ссылался на него.

Аллюзии на имена персонажей других художественных произведений встречаются в тексте романа довольно часто. В главе 7 автор делает отсылку на произведение «Хижина дяди Тома» Гарриет Бичер-Стоу:

“Uncle Tom?”

“I wish there was something else you could call him except ‘Uncle Tom’,” said Aunt Dahlia a little testily. “Every time you do it, I expect to see him turn black and start playing the banjo...”

Аллюзия в данном отрывке создаёт юмористический эффект, который может заметить понявший отсылку читатель. Героиня романа упоминает персонажа «Хижина дяди Тома», потому что другой герой носит такое же имя.

Помимо эксплицитных аллюзий, в романе также встречаются аллюзии без атрибуции. Например, приведённый ниже отрывок из главы 7 имплицитно отсылает читателя на произведение Джейн Остин «Гордость и предубеждение»:

“The projected match, you see, was one on which I had always looked with kindly approval. Too often, when a chap of your acquaintance is planning to marry a girl you know, you find yourself knitting the brow a bit and chewing the lower lip dubiously, feeling that he or she, or both, should be warned while there is yet time”.

Автор не упоминает ни название произведения, ни имена героев, однако читатель, знакомый с романом «Гордость и предубеждение», понимает, что главный герой сравнивает себя с мистером Дарси, а своих знакомых с мистером Бингли и мисс Джейн Беннет, персонажами Джейн Остин.

Имплицитная аллюзия также встречается в главе 4. На этот раз автор делает отсылку на произведение Чарльза Диккенса «Жизнь и приключения Никольса Никльби»:

“So you think I’m going to strew prizes at this bally Dotheboys Hall of yours?”

Автор упоминает «Академию Дотбойс-Холл» из романа Диккенса для того, чтобы выразить мнение своего героя насчёт предстоящего ему выступления в школе, потому что «Академия» Диккенса напоминает тюрьму; в ней дети не учатся чему-то новому, а наоборот забывают уже приобретённые знания, подвергаются наказаниям и голодают.

Помимо отсылок на литературные произведения, П. Вудхауз наполняет текст романа множеством имплицитных аллюзий на прототекст – Библию.

В главе 9 главный герой романа использует строчку из Книги пророка Осии, а именно первого послания коринфянам, чтобы описать тон, которым с ним говорила тётя Даля:

“There was a death-where-is-thy-sting-fulness about her manner which I found distasteful”.

Строчку из Библии можно перевести как «Смерть, где твоё жало?». Обычно эти слова цитируются, когда говорится о торжестве жизни. Однако автор, ссылаясь на этот стих, показывает, что тётя Даля устала от разговора с Вустером и хочет побыстрее закончить его.

Кроме большого количества библейских аллюзий, в тексте часто встречаются отсылки на исторические события и реалии. Например, чтобы показать, что герой попытался улыбнуться и показать уверенность в своих силах, автор сравнивает его с древнеримскими гладиаторами, выходящими на арену:

“...giving me the sort of weak smile Roman gladiators used to give the Emperor before entering the arena, Gussie trickled off”.

Библейские аллюзии имплицитны и современный читатель может не понять их или не заметить. Также происходит и с аллюзиями на известных современников П. Вудхауза. Так, в главе 21 автор упоминает известного в 1930-1940-е годы американского эстрадного певца Джимми Дуранте. Его отличительной чертой был его нос, из-за которого у него было прозвище «Шнозл». Об этом говорят герои произведения в приведённом ниже диалоге:

“...You remind me of Cyrano.”

“Who?”

“Cyrano de Bergerac.”

“The chap with the nose?”

“Yes.”

I can't say I was any too pleased. I felt the old beak furtively. It was a bit on the prominent side, perhaps, but, dash it, not in the Cyrano class. It began to look as if the next thing this girl would do would be to compare me to Schnozzle Durante”.

Современному читателю сложно понять такую аллюзию из-за незнания, о ком говорят персонажи произведения.

Проанализировав приведённые выше отрывки, можно сделать вывод, что аллюзии в произведениях П. Вудхауза выполняют следующие основные функции: оценочно-характеризующая функция, функция создания подтекста и юмористическая функция.

Оценочно-характеризующая функция аллюзии делает персонажей в произведениях П. Вудхауза яркими и запоминающимися. Разнообразные отсылки помогают читателю построить более чёткий и конкретный образ героя.

Функция создания подтекста делает произведения П. Вудхауза более глубокими и наполняет их дополнительным смыслом, который сможет уловить только читатель, заметивший и понявший отсылку.

Юмористический эффект достигается благодаря совмещению высокого, того, к чему отсылает аллюзия, и житейского. Например, в бытовых ситуациях герои часто ссылаются на сакральные тексты и благодаря такому скачку реализуется юмористическая функция аллюзии.

Аллюзии в текстах П. Вудхауза делают его произведения яркими и живыми не только для современников писателя, но и для читателей сегодня. Не все отсылки являются понятными и уловимыми для современных людей, однако от этого они не становятся менее интересными. И даже если читатель не посмотрит, кто такой Джимми Дуранте, упомянутый автором в тексте, он всё равно сможет уловить в произведении аллюзии, понятные для себя, поскольку аллюзия связывает воедино художественное произведение и одновременно вносит дополнительную информацию извне.

ЛИТЕРАТУРА

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Ком. Книга, 2007. 144 с.

Гаспаров М.Л. Большая российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/literature/text/1814073> (дата обращения: 09.05.2023).

Евсеев А.С. Основы теории аллюзии. М., 1990. 578 с.

Мамаева А.Г. Лингвистическая природа и стилистические функции аллюзии (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1977. 24 с.

Машкова Л.А. Литературная аллюзия как предмет филологической герменевтики. 1989. 24 с.

Москвин В.П. Цитирование, аппликация, парафраз: К разграничению понятий // Филологические науки. 2002. № 1. С. 63–70.

Wodehouse P.G. Right Ho, Jeeves. London: Penguin Books Ltd, 1973. 230 p.